

Марина Эльденберт, Валерия Чернованова

МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я

Марина Эльденберт

ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

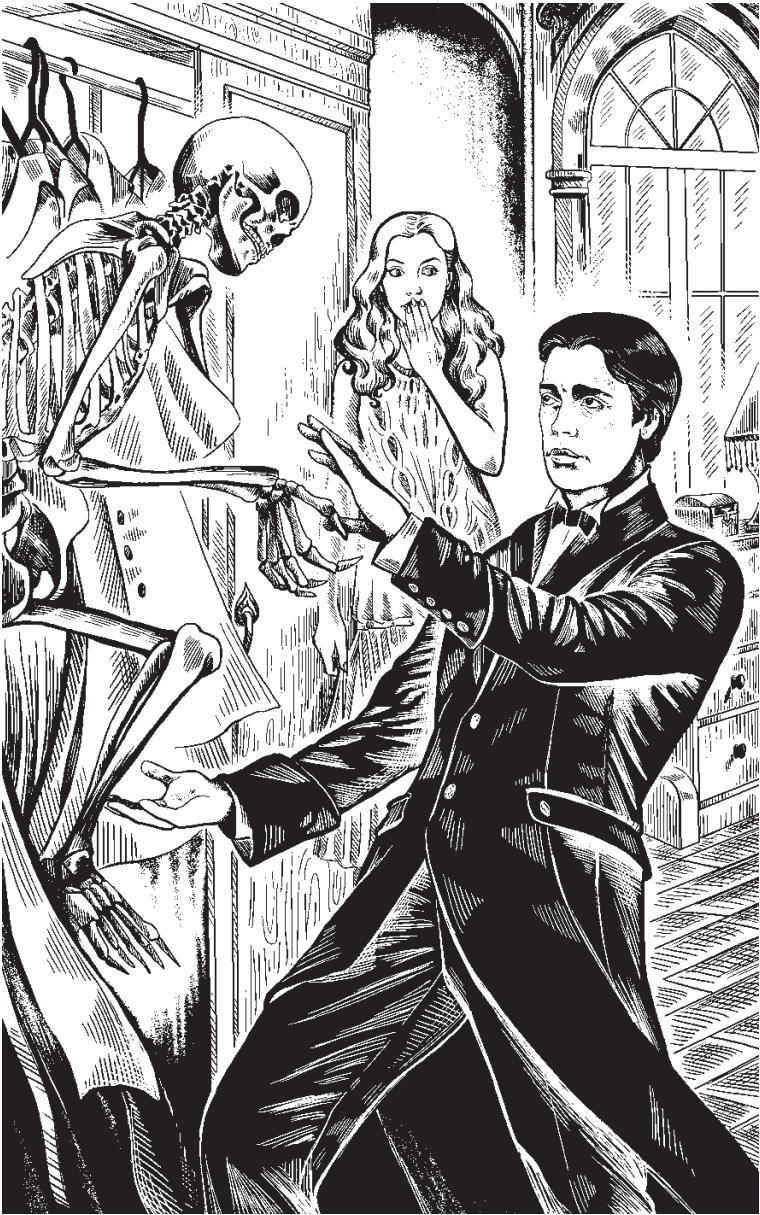
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ

ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБЕСА В ОГНЕ

МЯТЕЖНИЦА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Эльденберт, Валерия Чернованова

МежМировая няня,
или Алмазный король и я

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2019

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2011 году
Выпуск 442

Художник
Е. Никольская

Эльденберт М., Чернованова В. М.

Э53 МежМировая няня, или Алмазный король и я: Роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. —
(Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2891-5

Бывает, поссоришься с бывшей своего будущего мужа — и вуаля! Ты в другом мире, в теле актрисы, претендентки на должность... няни для дочерей Алмазного короля.

Фернан Демаре по праву считается самым богатым человеком Ньерры, обладающим золотым запасом магии, а я... В общем, со мной никто считаться не хочет. Но это только пока... И, кстати, я буду не я, если не найду обратную дорогу на Землю. А пока буду искать, главное не забывать, что служебные романы хороши только в фильмах и книгах. Ведь так?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марина Эльденберт,
Чернованова В. М., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2891-5

Глава 1

ТУАЛЕТ В ДРУГОЙ МИР

Ира Илларионова

— Стерва крашенная! — рявкнули на меня.

Ну крашенная, подумаешь. Я, между прочим, мечту свою студенческую осуществила — стала блондинкой. Правда, из-за этого домой теперь придется ходить пешком аж два месяца, но оно того стоило.

Наверное.

— Я с тобой говорю!

Понятно, что со мной. Я вздохнула и перевела взгляд на стоявшую передо мной девушку с ногами от ушей и блестящей черной гривой такой густоты, которой любая модель из рекламы шампуня может позавидовать. Все остальное, в общем, соответствовало. Я даже со своими натуральными каштановыми рядом с ней бледной молью смотрелась бы, а сейчас и подавно.

— Лилия Юрьевна, — сказала спокойно, — если хотите что-то со мной обсудить, давайте выйдем, и я вас выслушаю...

— Никуда я выходить не буду! — взвизгнула она так, что в конце коридора задребезжали стекла, а соседняя дверь приоткрылась, и из-за нее выглянула уборщица. Екатерина Павловна подозрительно сощурилась, но под взглядом брюнетки тут же втянулась обратно в кабинет заведующей.

На самом деле мне еще повезло, что бывшая моего будущего мужа решила выяснять отношения в конце рабочего дня, когда почти всех детей забрали домой, а заведующая нашего сада ушла пораньше, как обычно, в пятницу.

— В таком случае до свидания. — Я развернулась с намерением тоже уйти, но меня перехватили за локоть.

— Уж не представляю, что он в тебе нашел, но лучше откажись от него сама!

Остроту наманикюренных коготков я почувствовала даже через плотную вязку свитера.

— Руки уберите, — посоветовала, теряя терпение.

— У меня бабка — цыганка в пятом поколении, так и знай!

— А у меня дед — майор КГБ в отставке, — заметила, не впечатлившись угрозой.

И прежде чем красotka успела опомниться, сбросила ее руку, надавив на две болевые точки. Этому меня, кстати, научил тот самый дед.

— Ах ты... Чтоб тебе войти и не выйти! — прошипела она, подавшись ко мне так яростно, что я едва успела отпрянуть.

Голова закружилась, я попятилась и уперлась спиной в холодную стену, а брюнетка, напоследок одарив меня ненавидящим взглядом, метнулась по коридору со скоростью молнии. В сторону выхода — и то ладно.

Я смотрела ей вслед, когда услышала тоненький голосок:

— Ирина Александровна!

— Маша?!

Голос доносился из туалета, находившегося в конце коридора, и я бросилась туда. Машу Лебеядцеву всегда забирали последней, но когда приехала эта... стерва некрашенная, она сидела в общей комнате и играла во что-то на смартфоне. Лебеядцевы — очень обеспеченная семья, но Маша — дочь от первого брака. После женитьбы отца она превратилась в падчерицу, и няня в новой семье на нее постоянно жаловалась. Поэтому девочку отдали в садик.

— Ирина Александровна!

— Что-то слу...

Я влетела в абсолютно пустой туалет и замерла.

Все дверцы кабинок распахнуты, внутри никого. Только журчит вода в последней, неисправный бачок нам обещают починить уже вторую неделю. Огляделась: здесь и спрятаться-то негде, и все же я была более чем уверена, что голос доносился отсюда. За несколько лет работы успела изучить детсад как свои пять пальцев, или мне так только казалось. Или надо меньше работать, что тоже в принципе верно.

Напоследок бросив на себя взгляд в затертое зеркало, которое как-то странно исказило мое лицо, развернулась и шагнула к двери.

— Маша! Маша, ты где?

С этими словами я вышла... и едва не ослепла, уткнувшись взглядом в начищенный до блеска паркет.

Вышла и остолбенела. Паркет? Откуда в нашем госучреждении взяться дорогому покрытию, если в коридорах латаный-перелатаный линолеум, который давно следовало перестелить, а в игровых и спальнях — ковролин положили, когда моей писклявой пропажи еще в проекте не было.

— Ма... — начала снова звать девочку, делая шаг, а за ним следующий. Да так и застыла с раскрытым ртом, когда в такт несмелому движению шевельнулась бахрама, чисто символически прикрывавшая колени.

Еще и бахрама...

Но я ведь в брюках была!

— ...ша, — зачем-то растянула губы в извиняющейся улыбке.

Только непонятно, перед кем извинялась. Перед дюжиной странно одетых девиц, вдруг разом откликнувшихся на Ма-шу и вперивших в меня взгляды. Или перед своим внезапно помутившимся сознанием. Просила прощения за странные галлюцинации.

С ума сойти! Я сошла с ума за два месяца до свадьбы!

Уф, еще и заговариваюсь.

— Мирэль Тонэ! И вы тоже здесь?! — едва не опрокинул поднос на одну из девушек незнакомец в строгом костюме.

Поставил угощения на маленький круглый столик и поспешил ко мне.

— И я тоже... Здесь... — пробормотала, не то спрашивая, не то соглашаясь, и продолжила оглядывать пронзенный иглами солнечных лучей зал. А встрепенувшись, перевела на подошедшего взгляд и с надеждой, что всему наверняка есть простое и вполне логичное объяснение, осторожно добавила: — Здесь — это где?

Секунда-две — нахмуренные брови разгладились, неловкое покашливание и невнятную фразу «опять, чем крепче, баловались» приглушил прижатый к губам костлявый кулак.

Еще спустя мгновение я получила «недоответ». В смысле не те слова, которые надеялась услышать.

— Вы, должно быть, потом сразу в театр. Такая нарядная. Придется подождать. — Подавшись ко мне, черный фрак вполголоса добавил: — Как видите, у нас сегодня полный аншлаг.

А у меня, кажется, шлак. Под черепной коробкой.

— Давайте помогу. Мируар Демаре очень удивлен, что и вы тоже решили попробовать...

— Не уверена, что решила я...

— ...Себя в качестве няни для мирэль Кристин и мирэль Аделин, — лишил меня незнакомец... белоснежного боа. Ага. Как будто было мало бахромы и колготок в черный горошек.

Ан нет, судя по ощущениям, это чулки.

И сумочку со шляпкой, формой смахивающей на колокольчик, попросил.

Дзинь-дзинь. А это уже под вышеупомянутым «прибором».

— Чаю?

— Нет, спасибо, — выдавила с усилием.

Встала с краю, стараясь не привлекать к себе внимание, и, пока стояла, судорожно размышляла над одним-единственным вопросом: «Куда. Я. Попала?!»

Все было очень... натурально. И слуга, который, не успев отойти, вернул своему лицу фирменную улыбку и продолжил, кланяясь, разносить напитки. И девушки, зятянутые в винтажные платья, как в чехлы, с нитками жемчугов на шеях и волнистым каре.

Такое ощущение, что смотрю на вырезку из старого, очень старого журнала. Или присутствую на съемках фильма про далекие двадцатые не такого уж далекого двадцатого века.

Ущипнула себя украдкой. Раз, другой. Мечтая оказаться среди знакомых предметов и людей. Сил больше нет смотреть на эту вычурную мебель и всех этих манерных леди!

— ...А на днях выловили еще одного, — плеснуло в меня глубоким звучным голосом. Его обладательницей была жгучая брюнетка, сидевшая на диванчике неподалеку. — И откуда только иномиряне берутся?

— Намного интересней, куда их, отловив, отправляют, — подхватила другая девушка в горчичного цвета платье. — Они как будто растворяются.

— Как по мне, так их просто... — выразительно провела ребром ладони по своему горлу первая и продолжила цепко оглядывать просторную гостиную. Словно прикидывала, что бы, будь на то ее воля, изменила в окружающей обстановке. — Не забрасывать же обратно. Это ведь так кристаллозатратно.

— И то правда, — согласилась миниатюрная блондинка, вздыхая. — Но все-таки немного жалко. Могли бы работать на шахтах.

— Может, и работают. Какая, в сущности, разница? Лишь бы нам на глаза не попадались.

Я упустила момент, когда слуга, дворецкий (или кем у них здесь числится тот усато-франтоватый мужик с плиссированной манишкой) вышел. Потому как сама глубоко ушла в свои мысли. Отчего не сразу заметила, что на меня снова косятся все «прошловековые», а вернувшийся лакей, в очередной раз раскашлявшись, методично повторяет:

— Мирэль Тонэ... Мирэль Тонэ... Мирэль Тонэ!

— А? — Кажется, ко мне обращаются.

— Мируар Демаре приглашает вас к себе в кабинет.

В кабинет так в кабинет. Почему бы не познакомиться еще с одной галлюцинацией. Под аккомпанемент недовольного шипения, что посмела влезть вне очереди, я отправилась общаться с загадочным мируаром. Уж не знаю, обращение это или парню шутники-родители при рождении дали такое дурацкое имя.

Стоило оказаться внутри, как я поняла, что вряд ли его родители умеют шутить. Потому что ну не могут люди с чувством юмора произвести на свет такого мрачного типа, чей взгляд, как погоны из чугуна, шмякнулся на мои плечи невыносимой тяжестью. Сидевший за столом мужчина был широк в плечах и явно высок, потому что даже громадная спинка кресла была едва видна за его спиной. Зачесанные все по той же старинной моде каштановые волосы и легкая небритость делали его похожим на гангстера из голливудских фильмов. Хотя нет, для гангстера ему не хватало сигары в зубах и автомата под мышкой.

— Мирэль Селани Тонэ, — произнес мужчина с таким видом, словно это имя вызывало у него зубную боль. Он даже не пытался подняться и смотрел на меня, как на вредное насекомое, которое следует прихлопнуть прежде, чем оно укусит. — Зачем вы здесь?

Вроде и спросил, но не дал мне и рта раскрыть.

— Ах да, вы претендуете на должность няни для моих детей. Чудно. — Он крутил между пальцами перьевую ручку с таким видом, будто собирался воткнуть ее в стол. Или метнуть вместо дротика в меня. — И чему вы собираетесь их учить? Клоунаде?

От такого приема я обалдела, если не сказать больше.

Мало того что он даже не оторвал свою задницу от кресла, так еще и смотрел на меня, как на нечто плавучее, которое никогда не тонет.

— Если потребуется, — сообщила я светским тоном. — Хотите включить клоунаду в программу обучения?

Терпеть не могу хамов, даже если у этих хамов за спиной мебель красного дерева, стеллажи с фолиантами, которыми прибить можно запросто, дворецкий и толпа длинноногих девиц.

Хам угрожающе сдвинул брови, перо в его руках едва не хрустнуло.

— Нет, силюсь понять, на что рассчитываете. — Он все-таки отложил ручку и поднялся. — Так и будете стоять в дверях?

Да, в дверях мне как-то спокойнее, через них можно и деру дать, невзирая на плиссированную манишку и манекенщиц.

— А вы приглашали меня сесть?

— Не приглашал. Потому что не счел нужным. Тем более что раньше вы не отличались стеснительностью, — добавил он, и в угрозу ворвалась насмешка.

Такая же опасная, как он сам.

Интересно, чем еще я не я не отличалась раньше?

Возможно, поинтересовалась бы у него лично, но к этой минуте меня уже слегка потряхивало от фамильярности и неприязни, которыми изобиловали голос и взгляд хама. Понятия не имею, зачем вышеназванная мирэль Селани Тонэ приперлась к этому невыносимому хмырю наниматься няней, но

точно знаю одно: я с ним не хочу иметь ничего общего, не то что детей. Тьфу ты, не хочу я становиться няней его детей, вот!

— Это не стеснительность, а правила хорошего тона, — заметила я. — Этому я тоже могу обучить, но не стану. Всего доброго!

Не дожидаясь, пока до меня снизойдут и ответят, развернулась к дверям и взялась за ручку.

— Стоять! — ударил в спину приказ. Но остановило меня не это, а щелчок в замке: с силой дернула дверь и обнаружила, что она заперта. Обернувшись, увидела, как вспыхнул перстень-печатка на пальце Демаре. Впрочем, сияние тут же померкло, а вот ярость в голубых глазах хама — нет. — Мы не закончили. Выйдете отсюда, когда вам позволю.

Ма-ма... магия?!

Я подхватила первое, что попало под руку, — тяжелую бронзовую статуэтку, стоявшую на постаменте у стены.

— Не подходите! — заявила воинственно.

— Или что? — поинтересовался он.

— Я буду защищаться!

— Этим? — Украшение вспыхнуло снова.

Статуэтка выскользнула из рук, будто смазанная маслом, и плавно опустилась на место. Поклясться могу, что мои пальцы сжимались на ней как клешни краба на носу кота из мультфильма, но в эту минуту стали мягкими и податливыми, словно пластилин. Я было открыла рот, но тут же его захлопнула, поскольку с пальцев Демаре сорвалось искрящееся лассо, которое опоясало меня и подтянуло к столу. Вторая попытка заговорить ни к чему не привела, больше того: кресло недобро пнуло меня под колени, ноги подогнулись, и я плюхнулась прямо в него.

— Я, конечно, подозревал, что ваши умственные способности оставляют желать лучшего. — Хам вальяжно опустился в свое, чуть натянув лассо, из-за чего я подъехала к столу вместе с креслом. — Но не представлял, что настолько. В том, что вы отличная... — последнее прозвучало с издевкой, — актриса, не сомневаюсь, равно как и вся Ньерра, но меня интересует другое. Начнем сначала. Зачем вы здесь?

Зачем вы здесь, зачем вы здесь... Заклинило его, что ли?

Внимание привлек легкий дымок и запах не то вишни, не то черешни с горчинкой. Я скосила глаза вправо и за подставкой для письменных принадлежностей увидела дымящуюся в массивной пепельнице сигару.

Да чтоб мне всю жизнь стирать вручную!

Магический гангстер!

— Я жду, — нетерпеливо добавил мужчина, явно намекая, что он, конечно, ждет, но ждать будет недолго. Поэтому если не отвечу, то меня могут закатать в бетон или сбросить с моста, или что там делают гангстеры с теми, кто им не нравится.

Он взял сигару и затянулся, рассматривая меня так, словно уже раздумывал над способами казни. Ну а что? Сейчас придут меня сам по-тихому или кто-нибудь еще... Да хотя бы та же плиссированная манишка по его приказу вытащит через потайную дверь в ковре и сбросит в Гудзон. Или в какой-нибудь Магзон.

Ой, мама.

С трудом подавила желание глупо хихикнуть.

— Я... — Теперь мне казалось, что нужно очень и очень осторожно подбирать слова. — Пришла, чтобы стать няней?

— Это вы у меня спрашиваете?

— Да. То есть нет. — Осторожненько, насколько позволяла искрящаяся вокруг меня веревка, склонилась влево. На всякий случай заглянула за стол, потому что, если там стоит магический автомат, мне нужно знать это прямо сейчас. Магического автомата не было, а вот лассо натянулось и угрожающе зашипело.

— Мирэль Тонэ! Что вы там все высматриваете? — В его голосе слышалось раздражение.

— Ствол, — честно призналась я.

Брови гангстера взлетели вверх, а о дымящейся, зажатой между пальцами сигаре, казалось, он и вовсе забыл, уставившись на меня во все глаза.

— Вы сейчас вообще о чем?!

— Ствол, — терпеливо пояснила я, — это такая штука мощная, когда ее берешь в руки, она стреляет.

Сигара выпала из его пальцев и ткнулась кончиком в пепельницу. Кажется, сейчас случилось то, что мама называла «эффект Ирочки». Первый раз меня накрыло на детской елке, ког-

да нужно было читать стишок перед другими детьми: я тогда сильно перенервничала и вместо стишка поделилась со всеми своими открытиями. В частности, о том, что Деда Мороза не существует, а изображает его папин друг дядя Игорь, и что в подарках не будет вафельных конфет, потому что их съела его немецкая овчарка Рекс. После этого на елки меня больше не приглашали.

— У вас нет ствола? — решила разобраться. — Это для меня очень важно. Поверьте, если бы не было важно, я бы не спрашивала. Если у вас нет ствола, я не сидела бы здесь и сейчас. Понятно, что вы меня удерживаете, но если у вас еще и ствол...

— Хватит! — рявкнул он так, что я подпрыгнула. — Вы окончательно сошли с ума?!

Еще нет, но очень к этому близка.

— Или... — Его голос стал угрожающе низким, благодаря чему я покрылась мурашками даже на пятках. — Вы издеваетесь?

— Да! — ухватила за предложенную подсказку.

— Да?!

— Нет!

— Что — нет?!

— А что — да?!

Наш разговор можно было бы внести в учебник по психиатрии. Если выберусь отсюда живой, обязательно расскажу Светке этот случай, по нему кандидатскую защитить можно.

— Хмарь изначальная! — выдохнул он. — У меня там за дверями два десятка претендентов, кто бы мне объяснил, почему я трачу свое время на вас...

— Не тратьте, — посоветовала я. — Вы же видите, я слегка не в себе.

— Замолчите! — Это больше напоминало рычание.

— Ни за что. Вы связали меня этой магической штукой... — Подергала лассо, которое зашипело. — Обозвали неумной и явно не горите желанием принимать на работу. Поэтому давайте покончим с этим скорее и расстанемся по-хорошему: вы отпустите меня, я выйду вон через ту дверь, и мы больше никогда не увидимся.

Судя по одежде, Селани точно не последний кусок хлеба доедает, так что будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

— Это собеседование. — Рычание опустилось до тех низин, в которых обычно обитают чудовища. Он дернул лассо на себя, отчего меня подтянуло вперед и впечатало в стол. — А не один из ваших спектаклей, мирэль Тонэ. Вы пришли на него по доброй воле и, если сейчас же достойно не объясните, почему я должен принять вас на работу, можете забыть о своей карьере. Потому что я вас уничтожу.

Что я там говорила о проблемах?

Кажется, первая уже нарисовалась. Если раньше думала, что этот гангстерский тип может меня убить, то сейчас поняла: убить — в его случае самый простой выход. Проблема заключалась в том, что я не представляла, чего он от меня хочет на самом деле, поэтому продолжала говорить правду.

— Я очень люблю детей, — сказала, мысленно возвращаясь к своим ребятам из садика, — и хочу подарить каждому ребенку, с которым занимаюсь, частичку души. Мне нравится им читать и нравится играть с ними. Конечно, когда...

Под его взглядом почему-то запнулась, но все-таки продолжила:

— Когда они начинают сходить с ума, я умею установить границы, но все-таки считаю, что счастливое детство — это веселое детство, и что подвижность не менее важна, чем книги или развивающие игры. Возможно, у меня особый взгляд на воспитание, но я уверена, что оно складывается не из правил и ограничений, здесь важна любовь.

Я не сказала ни слова неправды, но взгляд его потемнел еще сильнее, а брови сошлись так, что казалось, вот-вот сплавятся воедино.

— И как же вы собираетесь совмещать актерскую карьеру и работу гувернантки? — не то процедил, не то выплюнул Демаре.

На миг захотелось закончить все это и просто сказать, что я вообще ничего не собираюсь совмещать, а планирую как можно скорее вернуться в свой горячо любимый детсад, но в памяти неожиданно всплыли слова одной из девушек: «Намного

интересней, куда их, отловив, отправляют». Проверять, куда именно, на собственном опыте совсем не хотелось.

— Я брошу театр.

— Вон.

— Что?

— У вас еще и со слухом плохо?! Вон из моего кабинета!

Лассо исчезло, щелкнул замок, и я тут же вскочила.

Встретилась с тяжеленным злоющим взглядом и неожидан-но для себя выдала то, что точно говорить не следовало:

— В моей жизни было очень много собеседований, но это — самое отвратительное, которое мне довелось пережить. Когда будете нанимать няню для своих детей, удостоверьтесь, что она обладает хорошими манерами и знает правила этикета, потому что вам их явно недостает! Но главное — не забудьте про сердце! Оно должно у нее быть непременно, и обязательно очень большим, раз уж папаша его лишен напрочь.

Не дожидаясь, пока мне ответят, развернулась и вылетела за дверь. Прижалась к стене, потому что ноги не слушались, и сердце в груди отбивало неровный ритм. Не успела перевести дух, как объявилась плиссированная манишка и протянул боа с таким видом, словно собирался меня на нем вздернуть.

— Ваши вещи, мирэль. — Слуга сунул мне в руки шляпку и звякнувшую цепочкой сумочку. — Сожалею, что мируар Фернан вам отказал. Но вы должны понимать, не всякой дано стать наставницей для наследниц дома Демаре.

Подслушивал шельмец.

— Не всякие вроде меня будут счастливы оказаться как можно дальше от вашего мируара. Будьте любезны... как вас там, покажите выход.

— Разве так сложно запомнить, мирэль? — с обидой в голо-се проговорил дворецкий. — Меня по-прежнему зовут Этиль Жужжен. Но вы всякий раз спрашиваете мое имя.

— Извините.

Обратная дорога лежала через ту же гостиную. Меня встречали и провожали все те же лица, только сейчас на них сорняками расцветали злорадные улыбки. Может, наше с хамом общение транслировалось по какому-нибудь магтелевизору?

Меня продолжало знобить. От всего увиденного и услышанного. Если это дурной сон, то пора бы уже проснуться.

А если реальность, тоже дурная, надо как-то из нее выбирать-ся!

А для этого необходимо понять, почему и как я здесь оказалась...

— Вот, пожалуйста! — Рискуя растянуться в шпагате на мраморном полу, в который можно было смотреться, как в зеркало, ловя в нем свое размытое отражение, Фитиль Жужжен бросился открывать двери.

Отражение!

Я подскочила к оправленному в позолоту зеркалу, занимавшему почти всю немалых размеров стену, и замерла как вкопанная.

Только сейчас, с большим опозданием, до меня наконец начало доходить, что я не просто переместилась в другой мир (ой, мамочки!), я перестала быть Ирой Илларионовой. В этой модельного вида дылде не было ничего от миниатюрной сероглазой Иришки, в которую влюбился Миша, и в которой не чаяли души родители.

Длинные волосы насыщенного карамельного цвета ложились на плечи идеальными волнами, как у голливудских звезд былых времен. Глаза — что обласканное солнцем синее-синее море, опасное и бездонное. Мои всегда лучились теплотой, по крайней мере, так утверждала лучшая подруга Светка. В глазах же Селани, казалось, отплясывала дикие танцы нечисть.

«С такой внешностью сам бог велел блистать на сцене», — рассеянно подумалось мне, пока обводила взглядом идеальной красоты черты: аккуратный прямой нос и не нуждавшиеся в помаде яркие сочные губы. Как будто созданные для поцелуев.

— Мирэль Селани, — кашлянул дворецкий.

— Скажите, Жофрен...

— Жужжен, — поправил терпеливо, хоть я заметила, как на тощей шее дернулся кадык.

Наверное, мирэль Селани вызывала в этом кузнечике, как и в его хозяине, сильные приступы раздражения. И если первый как мог пытался себя сдерживать, последний не утруждался демонстрировать показную вежливость.

— А мы давно знакомы?

— Больше, чем хотелось бы... — Поняв, что только что сморозил, дворецкий поспешил исправиться: — Прошло уже три месяца с тех пор, как мы впервые с вами свиделись.

Хотела спросить, при каких таких обстоятельствах мы могли здесь свидеться, если у хозяина всего этого великолепия только при виде меня начинается обильное ядовыделение, но вовремя спохватилась. Этот любитель покашлять и пожужжать и так уже на меня косится с подозрением. Лучше не буду усугублять свое и без того «усугубленное» по самое не хочу положение.

Поэтому больше не стала задерживаться. Простившись с манишкой, замерла на крыльце, не зная, куда податься. Ну, до ворот, кованым узором темневших на фоне малахитовой листвы, я, конечно, доберусь сама, без подсказок. А вот дальше...

Из автомобиля с открытым верхом, этакого прадедушки кабриолета, показался уже немолодой, но с виду крепкий мужчина. Несмотря на то что погода в этом черт-его-знает-где стояла хорошая, и солнце даже припекало немного, упакован он был в костюм-тройку. И, наверное, всю потел под многослойной одеждой.

Приподняв черное кепи, незнакомец чуть поклонился.

— Мирэль Тонэ.

Я облегченно выдохнула. Личный водитель — мое спасение! Вот только непонятно, зачем той, у которой есть прислуга, самой становиться прислугой? Ну даже если и няней, то все равно тем же обслуживающим персоналом.

Я села в машину.

— Куда теперь, мирэль Тонэ?

— Домой, — проронила негромко и поморщилась от головной боли: виски как будто прокалывало иголками.

Кивнув, водитель захлопнул дверцу и устроился за рулем. Машина покатила по мощеной улочке мимо роскошных особняков, утопавших в зелени фруктовых садов.

Наверное, Селани — очень известная актриса, какая-нибудь там суперприма, раз у нее есть даже личный шофер. Миша мне тоже все пытался такого в кепке и при галстукe навязать в комплекте с машиной. А я отказывалась, потому что не хотела, чтобы другие няни завидовали. Да и не привыкла чувствовать себя зависимой. От кого бы то ни было. Вот и вче-

ра, посетив дорогой салон и оставив в нем половину зарплаты, решила, что лучше буду ходить домой пешком, чем кланчить деньги у папы или обращаться за помощью к Соколову. Ему только дай повод — снова начнет уговаривать бросить работу. Потому что, как любит повторять, он сам в состоянии меня обеспечить, а я просто бесцельно трачу время.

Но как же я без своих ребят?!

Не сдержавшись, громко шмыгнула носом. Миша, папочка, мамуля, моя малышня... Как вы там без меня будете? И если я здесь, то кто тогда там, в моем теле? Эта сердцеедка? У Селани на лбу написано — хищница и коварная соблазнительница.

У-у-у, мало мне было этой натуральной стер... брюнетки Лили!

Смутно помню, как добралась до чужого дома. Кто открывал входную дверь и кто вел меня по незнакомым хоромам. Когда в поле зрения попала кровать, я рухнула на нее не раздеваясь.

Закрыла глаза и, уже уплывая в сон, молила высшие силы скорее вернуть меня обратно домой.

Селани Тонэ

— Мируар Демаре, мируар Демаре, — звала актриса, силясь разомкнуть отяжелевшие, будто налитые свинцом веки.

Как же так вышло-то? Она, и потеряла сознание? Да она никогда не теряет сознание! За исключением тех случаев, когда ей это необходимо.

Селани поморщилась от неприятных ощущений, прошивших все тело, стоило ей пошевелиться. Голова гудела, как церковный колокол. Наверное, при падении сильно ударилась затылком о мраморные полы в холле, а этот глистообразный Жо... Жу... Жульен, в общем, не удосужился вовремя подхватить гостью.

И так всегда: является, когда его не просят, а когда нужен — не дозовешься.

— Мируар Демаре... Вы спасли меня... — томно выдохнула актриса, уверенная, что на помощь ей бросился не кто иной, как сам Алмазный король. Пусть она и легче перышка, но этому ходячему стручку фасоли, его дворецкому, не по силам тягать на руках такие «перышки».

Наверняка именно Фернан ее поднял, и вот она в его кабине. Пытается вынырнуть из затянувшего все вокруг марева, а бахрому платья тем временем соблазнительно соскальзывает со стройных ножек, приоткрывая ее идеальные колени. О, один вид этих коленей способен свести с ума даже евнуха из гарема! А уж Фернана Демаре евнухом явно не назовешь. Самый завидный вдовец Ньерры (Жизель наверняка уже отдыхает на том свете), конечно, знает толк в женской красоте и уже успел по достоинству оценить ее прелести.

Селани томно застонала, незаметным движением пальцев стараясь подтянуть повыше платье, чтобы и кружево чулок не осталось без внимания. Кажется, у нее ничего не вышло, но она не стала заикливаться на этой мысли. Ей сейчас вообще было сложно на чем-то сфокусироваться. Даже глаза открыть не получалось.

...Говорят, у супругов Демаре последнее время отношения не ладилась. Быть может, потому Жизель и сбежала. Или ей помогли «сбежать»... Но уж она-то, Селани, знает, как нужно вести себя с *таким* мужчиной. Жестким, властным, неукротимым. Такие, как Фернан Демаре, не поддаются дрессировке. Но их можно очаровать, соблазнить и, возможно, даже со временем приручить. Селани надеялась стать неотъемлемой частью его жизни. Сначала просто няней для этой несносной кудрявой мелочи. А после, если повезет, и их мачехой. Не то чтобы мирэль Тонэ прельщала идея в свои неполные двадцать шесть превратиться в наседку... Но упускать возможность украсить безмянный палец обручальным колечком с бриллиантом, размеру и чистоте которого позавидует сама королева Ньерры, она не собиралась. Ради этого потерпит даже близняшек. А там, кто знает, может, получится их кому-нибудь сбавить...

Селани снова поморщилась. Только на этот раз не от боли, а от неприятных воспоминаний, незаметно прокрававшихся в разум. Последние два месяца она давала частные уроки актерского мастерства Жизель Демаре. Этой холеной стервочке, с которой был знаком Грегуар Фриэль. Тесная дружба с антрепренером «Ле Гранда» уже не раз выручала мирэль Тонэ. Грегуар подкидывал ей неплохие роли, а следовательно, и на заработок она не жаловалась. Узнав, что эта прожигательница

жизни Жизель от нечего делать ищет себе учительницу, Селани убедила антрепренера рекомендовать именно ее.

До того как начала работать на Демаре, она видела фото Алмазного короля лишь на обложках журналов и первых полосах газет, а повстречавшись с Фернаном лицом к лицу, поняла, что сделает все возможное, чтобы познакомиться с ним поближе.

Поначалу Селани готова была довольствоваться даже скромной ролью любовницы. Вот только, несмотря на все ее ухищрения, мируар Демаре не спешил назначать тайные свидания. В дело шло все: откровенные платья, томные взгляды. Соблазнительно закусенные губы и даже мимолетные касания, когда они «случайно» сталкивались в коридорах. Селани видела, как в такие моменты в холодных голубых глазах мужчины вспыхивает темное пламя. Уж она-то знала, на что похожа мужская жажда, с трудом сдерживаемое желание. Но, наверное, наличие жены его отрезвляло.

А раз уж теперь жена пропала...

В своем успехе Селани не сомневалась.

— Мируар Демаре, — повторила она и, следуя своему плану, чувственно закусила губу.

И только тут поняла, что голос звучит как-то странно. Не просто хрипло — низко, басовито. И вместо юбки, которую все пыталась незаметно приподнять, оказалось, что все это время тщетно, как дура, задирала брюки. И голова по-прежнему раскалывается...

С трудом Селани удалось открыть глаза. Открыть и осознать, что она не в доме Демаре. А когда, поднявшись, она встретилась взглядом со своим отражением, отпечатавшимся в высоком зеркале, закричала что есть силы.

— А-а-а!!! — Селани продолжала кричать, мечтая, чтобы скорее прекратился этот кошмар. — Этого не может быть! Это не я! Не я-а-а!!!

Актриса впилась взглядом в резкие и почему-то такие знакомые черты мужского лица. Дрожащими руками принялась ощупывать себя, с каждой секундой все глубже погружаясь в пучину отчаяния.

Она — мужчина! Стопроцентный настоящий мужчина!

— Только не это, — глухо простонала Селани. — Только не я...

«Кто же, кто же, кто же ты?!» — запустив руки в короткие жесткие волосы и мечась по комнате, лихорадочно повторяла она.

Где она могла его видеть? Где?!

«Точно! — Селани запнулась. — В доме Демаре!»

Борясь с желанием зажмуриться, приблизилась к зеркалу.

Десмонд Шерро — друг Фернана. Очень близкий друг.

И вот теперь она... в нем. А он тогда где?

— Но почему?.. Хмарь изначальная! За что?!

Селани выскочила наружу и, оттолкнув служанку, наверняка примчавшуюся на вопли хозяина, рванула по коридору.

— Нужно все исправить, — твердила она, задыхаясь. — Сейчас я найду себя и тогда...

Как поступит дальше, Селани не представляла, но точно знала, что надолго в этом теле она не останется. Вернет свою жизнь обратно!

Глава 2 Ягуар и ББИ

Ира Илларионова

Просьпаться не хотелось от слова «совсем». Не хотелось возвращаться в реальность, в которой вместо точечных светильников на потолке — вычурная хрустальная люстра, а сам потолок весь в лепных загогулинах. Дневной свет приглушают не жалюзи, а тяжелые шторы. И плазму на стене (подарок родителей по случаю начала самостоятельной жизни) заменяют картины.

Селани явно увлекалась авангардизмом.

А вон там ажурная ширма с перекинутым через нее пеньюаром и одиноко свисающим чулком в сетку. А вот здесь...

Перевела оловелый взгляд влево и едва не закричала, увидев рослую девицу, сидевшую в кресле.

— Мирэль Тонэ, как самочувствие? — участливо поинтересовалась девушка.

Должно быть, служанка, раз на ней строгое черное платье с рукавами-фонариками и белый фартук.

— Вроде бы лучше.

Хотя нет, вру. Хуже. От того, что проснулась все там же, точнее, неизвестно где.

— Мигрень больше не мучает?

— Мигрень не мучает.

А вот осознание, что застряла в чужом теле, еще как мучает. Прямо-таки истязает. Никаких плетей не надо.

— Это все из-за браслета, — обрадовалась моему ответу девушка.

Проследив за ее взглядом, я заметила на запястье Селани (временно моем запястье) украшение с прозрачным камнем. Его сердцевина, как перстень Демаре, излучала подозрительное мерцание.

Тварь изначальная! Магическая цацка!

Меня подбросило на кровати, как подаваемый ракеткой волачик.

Или что он там говорил, тварь-хмарь? И почему я вспоминаю слова этого мерзавца? О нем вспоминаю... Вот гадство.

Браслет украсил собой тумбочку, а я перестала украшать собой кровать. Подскочила на ноги, решив, что хватит лежать. Пора отсюда выбираться.

— Ну что же вы? — заволновалась безымянная. — Зачем же сняли? Сами ведь говорили, что аурин помогает, когда голова раскалывается. Я его на вас и надела. Вы вернулись совсем бо-
льшая.

— Мне уже легче, обойдусь и без браслета.

Я продолжала озиаться, не зная, с чего начинать освободительную кампанию самой себя из чужого тела и из чужого мира. Для начала, наверное, лучше переодеться во что-то более простое. Повседневное. Без выреза, из которого пышная грудь актрисы так и норовила вывалиться, и без висюлек, практически заменявших Селани юбку.

А еще надо будет подкрепиться. Об этом настойчиво напоминал урчащий желудок.

— Я бы хотела перекусить.

Девушка округлила глаза.

— Но вы же после трех никогда не едите!

— Это все из-за головной боли, — не растерялась я. — Она вытянула из меня все соки. Пожалуйста, принеси чего-нибудь. И побольше.

Есть и правда хотелось неимоверно. Должно быть, всему виной стресс.

Служанка продолжала удивленно на меня пялиться, и я поняла: нужно вести себя осторожней. В идеале — разузнать о привычках актрисы и, пока вынуждена быть ею, постараться привить их себе. Только невредные, конечно. Потому что поститься изо дня в день после трех — это насилие над телом.

Мне снова вспомнился разговор конкурсанток в доме местного Аль Капоне. Не хочу быть ни без вести пропавшей, ни трудиться во благо Ньерры на шахтах. Вообще не хочу иметь ничего общего с этим миром.

После ухода служанки я приступила к знакомству с апартаментами мирэль Тонэ. Одна из светлых дверей вела в не менее светлую ванную. Другая уводила в гардеробную, едва ли уступавшую размерами спальне.

Сколько же тут было тряпок! Десятки, если не сотни платьев, плиссированных юбок и воздушных блуз. Уже не говорю про обувь и аксессуары. Одна стена была сплошь завешана шарфиками! меховыми, перьевыми, из пайеток и шелка. Бесчисленные коробки со шляпками и футляры с перчатками громоздились на тянущихся к лепным сводам полках. Все вызывающе яркое, кричащее. С трудом удалось отыскать простое темно-зеленое платье, а к нему сумочку из, подозреваю, змеиной кожи.

Переодевшись, я не без опаски приблизилась к туалетному столику и, плюхнувшись в кресло, взглянула на свое отражение. Поежилась. Потом, вздохнув обреченно, пригладила растрепавшиеся после сна волосы. Чтобы слиться с образом, взглянула в первую попавшуюся шкатулку и повесила на шею жемчужные бусы. Надавив на помпу, пшикнула на себя парфюмом. Это была одна из многочисленных бутылочек, красовавшихся на трехъярусной стеклянной горке, словно пирожные макарони в витрине маленькой французской кондитерской.

Служанка все не появлялась, и я продолжила рыться в вещах актрисы. Повывдвигала ящики секретера в поисках че-

го-то, что помогло бы ближе с ней познакомиться. Но вместо Селани неожиданно для самой себя лучше узнала Фернана Демаре. Владельца всемирно известного ювелирного дома и самого большого алмазного карьера во всей Эоне. В общем, местного Креза.

Со страницы газеты на меня хмуро, тяжело, как несколько часов назад в кабинете, взирал Алмазный король. По крайней мере, так его называл неизвестный журналист.

«Загадочное исчезновение Жизель Демаре», — гласил заголовков на первой полосе.

Схватив газету, я заскользила по строчкам взглядом. Статью проглотила, можно сказать, не жуя, и чуть ею не подавилась.

Вот, значит, как! У Демаре таинственным образом пропала жена. Подозреваемых нет, но газетчик как бы между прочим отмечал, что в последнее время отношения у супругов были так себе. Напряженные. Если не сказать взрывоопасные. «Они часто скандалили, в том числе на людях», — заявлял автор статьи.

Дочитать я не успела, потому что в комнату снова вплыла служанка.

— Мирэль Тонэ, вас к телефону. Грегуар Фриэль, — заговорщицки понизив голос, произнесла она, потом приподняла брови и добавила: — Кажется, сердится.

Грегуар. Фриэль.

Кажется, сердится.

Кажется, мне нужна записная книжка, потому что у меня скоро голова треснет от всех этих мируаров, ягуаров и жужженов. Интересно, у Селани есть записная книжка? И почему на нее все сердятся, хотелось бы знать.

— Сейчас подойду. — Я отложила газету и поднялась. Чуть не наверху со спинок и увидела, как у служанки округлились глаза. — Не выспалась, — пояснила, оглядывая себя в зеркале.

Не объяснять же ей, что вся моя обувь — это балетки, туфли-лодочки с детским каблучком или сабо на невысокой платформе. А зимой и подавно ходить по нашим улицам в сапогах на каблучке может только профессиональная каскадерша или

модель, проутюжившая с десятков подиумов. Снег у нас убирают по большим праздникам, а лед скалывают еще реже.

Стоило вспомнить про снег и лед, как память услужливо нарисовала родной район, дома-девятиэтажки и громахающие по проспекту трамваи. Наверное, специально для того, чтобы мне захотелось домой еще больше. Обнять Мишку, рассказать ему эту сумасшедшую историю и вместе над ней посмеяться.

Так, все.

Сейчас не время беречь себе душу. Сначала поговорю с Грегуаром, потом подумаю о том, как отсюда выбираться. Пока меня не отловили и не отправили в каменоломни. Ну или еще куда-нибудь.

Только тут я поняла, что понятия не имею, где в этом доме телефон. Явившись с собеседования, я в трансе прошла вслед за кем-то (подозреваю, что как раз за служанкой) до спальни, поэтому даже приблизительно не представляю, куда мне сворачивать. А сворачивать было куда! Высунув нос из спальни, я обнаружила, по меньшей мере, три пути: направо, налево и прямо, совсем как в сказке.

Искренне надеюсь, что сказка не будет страшной.

Учитывая, что коридор расходился направо и налево, решила пойти прямо и не прогадала: «прямо» вывело меня к лестнице. Последняя туго накрученным локоном уходила вниз, а внизу, в холле, стоял... телефонный аппарат. Иначе этот бронзовый антиквариат с массивной трубкой и диском для набора назвать было нельзя. Телефон обнаружился на столике, рядом с которым расположился небольшой полосатый диванчик, на него я и приземлилась.

Во-первых, стоять на таких шпильках долго я не могла, а во-вторых, лучше сразу сесть, потому что мало ли что услышу. Подхватила трубку и чуть не выронила снова: с непривычки выдающийся рожок впечатался в подбородок.

— Мм... да?

— Селани! — рявкнули из трубки мужским голосом. Высоковатым, на мой вкус, но весьма грозным. — Ты почему не на репетиции?

Репетиция?!

— Я...

— Я-а-а-а! — передразнили в трубке. — Немедленно в «Ле Гранд»! Ко мне в кабинет!

Прежде чем я успела вставить хоть слово, мне в ухо что-то щелкнуло, но, вопреки привычным коротким гудкам, воцарилась тишина.

— Эй? — на всякий случай позвала я.

Поскольку мне не ответили, вернула трубку на рычаг. Только сейчас заметила, что в самой сердцевине диска мигает камушек. Сияющий такой.

В общем, все понятно. Магический телефон.

Еще понятно, что начальство во всех мирах одинаково. Непонятно только, что мне делать с репетицией, потому что актриса из меня как из слона балерина. И то, мне кажется, из слона балерину сделать гораздо проще. Тот случай с новогодним утренником был не единственным, в школе меня попытались включить в спектакль на роль служанки для мачехи Золушки. Я вышла на сцену, увидела полный зал учителей, родителей и школьников и залипла. К счастью, не растерялась одноклассница, которая играла мачеху, она пинками выпроводила меня со сцены за нерасторопность и спасла спектакль.

В общем, в том, что касается актерского мастерства, Ира Илларионова — полный профан. И ведь умею общаться с людьми, с детьми вообще чувствую себя замечательно, но когда вижу толпу, к которой надо обращаться и что-то говорить, — меня как будто вырубает. Я либо начинаю нести полную чушь, либо молчу и глазами хлопаю. Подозреваю, что это из-за той выволочки, которую мне дядя Игорь после елки устроил, но справиться с детской травмой пока не могу.

Еще подозреваю, что вряд ли такое оправдание устроит звонившего, но надо что-то решать. Пока я не знаю, как вернуться в свой мир, игнорировать этот, по меньшей мере, глупо. Но даже если бы мне это удалось, я сейчас не в своем теле, и настоящая Селани не заслуживает проблем, в которые я вляпаюсь, пока она... гм, отсутствует. По идее, если я вернусь в свой мир, она вернется сюда...

Ой.

При мысли об этом я окончательно уверилась в том, что нужно ехать.

Хотя бы потому, что мне не хотелось бы вернуться домой и обнаружить, что меня уволили и что заведующая при виде меня крутит у виска пальцем.

Решено!

Сейчас поеду в театр, поговорю с начальством Селани и попытаюсь объяснить, что я нездорова. Не знаю, устрицами отравилась. Или чем у них тут травятся... Это позволит выиграть время, пару дней, например, а потом я (надеюсь) найду способ вернуться домой.

— Накрыли обед, мирэль Тонэ. — Служанка возникла рядом со мной. — Все, как вы любите: на крыше, с видом на площадь.

Все, как я люблю!

— Я передумала, — сказала, прикидывая, как бы узнать ее имя. — Еду в театр. Предупреди водителя, пожалуйста.

Девушка кивнула.

— Хорошо, сейчас скажу Луарду.

Судя по тому, что она ничуть не удивилась, «передумала» для Селани было обычным делом, а я в очередной раз вспомнила о записной книжке.

Луард водитель, водитель Луард. Это я повторяла, пока поднималась наверх.

Сборы много времени не заняли, на туалетном столике Селани Тонэ обнаружилось все необходимое. Пудра сделала лицо бледнее, губы я красить не стала, еще слегка растушевала под глазами темные тени, из-за чего стала похожа на жертву маньяка или панду в стиле ретро. Ну ладно, до панды я по габаритам недотягивала, а вот до жертвы маньяка — вполне, особенно если с воплями носиться по дому.

На выходе меня встречал Луард, который слегка округлил глаза. Тактично кашлянул, но все-таки распахнул передо мной дверцу.

— Мирэль Тонэ.

Я опустила на мягкое кожаное сиденье, отметив навесную крышу, сверкающий ослепительной белизной лак и хром на ручках.

Водитель повторно округлил глаза, но снова ничего не сказал. Обежал машину, я же старалась не пялиться на старинный, торчащий из пола рычаг и руль в кожаной оплетке. А вот

ключей здесь вообще не было, но в следующую минуту я уже поняла, как она заводится. Едва опустившись на сиденье, Лурд достал из кармана камень и вставил его в небольшое углубление на панели рядом с рулем. Ромбовидный камушек вспыхнул, рассыпая сияние, и автомобиль ожил.

Мы прокатились по подъездной дорожке до распахнутых ворот и выехали на улицу.

Сейчас, когда моя голова больше не напоминала чугунный колокол, я прилипла взглядом к стеклу. Сначала замелькали аккуратные домики, все как на подбор трехэтажные, словно соревнующиеся друг с другом по вычурности отделки и красоте завитушек на тяжелых воротах. Я даже вывела формулу: чем больше завитков на решетке, тем больше позолоты на фасаде, а еще лепнины и прочей отягчающей архитектурный стиль красоты.

Из обилия злата и сияния мы выехали на улочку, ведущую вниз, и я сразу забыла обо всем на свете. Дорога шла под гору, а внизу открывался такой вид, что перехватывало дыхание. Безбрежное море переливалось всеми оттенками синего и бирюзы. Смягченная слепящим солнцем вода напоминала растянутое на ткацком станке полотно, по которому изредка проходила легкая рябь. Я настолько засмотрелась на эту красоту (в отличие от позолоты и лепнины, совершенно естественную), на подступающую к кромке воды нитку берега, на которую были нанизаны бусины вилл, на белые пятнышки яхт, на возвышающиеся над ними горы, что чуть не пропустила появление «Ле Гранда».

Огромные буквы были отлично видны даже с большого расстояния.

Театр был расположен на набережной, на огромной, уходящей в воду площадке и напоминал... алмаз. В том, что здесь все помешаны на драгоценных камнях с магической составляющей, я уже убедилась, но понятия не имела, что настолько. Театр-алмаз стоял на острие, из-за чего создавалось впечатление, что он парит над окружающей его площадью. Сама площадь представляла собой круг, к которому с воды протянулись ниточки причалов, а с суши — подъездные дорожки. К одной из таких мы и спускались, петляя по склону холма, и чем ниже, тем больше алмаз вырастал над нами.

А он точно не грохнется?

Я поняла, что спросила это вслух, когда водитель в очередной раз на меня вылупился.

— Я что-то не то сказала?

— Вы сегодня немного странная, мирэль Тонэ.

— Это почему же? — решила сразу уточнить, что делаю не так.

— Во-первых, вы никогда не садитесь на переднее сиденье.

— А во-вторых?

— А во-вторых, с чего бы ему падать? — Луард покосился на меня. — Его держит магия кольца из девяти ардунийских камней.

Ну кто бы сомневался.

— Я пошутила. По-шу-тила, Луард! Представляете, что будет, если он грохнется?

Водитель покосился на меня.

— Погибнет много людей.

Да, с чувством юмора у Луарда туго.

— Еще вы никогда не называли меня Луардом и не выходили из дома, если... — Он замялся, — неважно себя чувствуете.

А у меня туго с конспирацией. Ладно хоть грим под панду удался. То есть под «неважно чувствующую себя девицу».

Приободрившись этой мыслью, решила по возможности меньше говорить и больше слушать. Машина вкатилась на подъездную дорожку и остановилась у самого острия. Отсюда, конечно, это было никакое не острие, а вполне квадратное основание. Огромные стеклянные двери вели в холл со всех четырех сторон, и если сооружение такое шикарное снаружи, я даже не представляю, какое оно должно быть внутри.

Кстати, о «внутри».

— Проводите меня к мируару Фриэлю? — слабым голосом попросила я и для достоверности потеряла виски. — Я действительно не очень хорошо себя чувствую и буду очень вам признательна.

— Разумеется, мирэль Тонэ.

Вот и чудесно.

— Только сначала мне нужно будет отогнать автомобиль. Здесь запрещено парковаться.

Кивнула и, стоило водителю подать мне руку, задрала голову. Снаружи «алмаз» был непрозрачным, а вот внутри... Внутри все выглядело роскошно. Огромный холл переливался от проникающего сквозь грани солнечного света, из-за чего узоры на мраморе казались золотыми. Колонны, щедро увитые лепниной, хрустальные люстры, лестница и лифты, а еще балконы, перила которых представляли собой сделанные из золота завитки. Не успела я как следует проникнуться помпезностью «Ле Гранда», как ко мне подлетел Луард.

— Мирэль Тонэ! Что вы здесь делаете? Нам же нужен служебный вход.

Ах да. Служебный вход.

— Зашла полюбоваться. — Я капризно надула губы. — Мне так редко удается посмотреть на театр глазами зрителя...

Луард пробормотал что-то неразборчивое и потянул на себя тяжелую ручку, открывая передо мной дверь.

Служебный вход оказался за алмазом, и, коротко поздоровавшись с администратором в форменной одежде, я оперлась на руку водителя. К счастью, по пути нам никто не попался, и у кабинета звонившего мы оказались в считанные минуты. За это время я успела насладиться мягкостью ковровой дорожки, поглощавшей стук каблуков, поглазеть на бесчисленные настенные светильники в форме алмазов и хотя бы приблизительно сложить в голове план разговора.

Я опоздала на репетицию, потому что приехала домой и неважно себя почувствовала. Вот только прилегла на минуту-другую, как провалилась в сон и забылась, поэтому я очень-очень прошу меня извинить и предоставить отпуск за свой счет, ну или как это у вас там называется, но мне вот позарез нужно вернуться в свой мир. То есть отдохнуть буквально пару дней, после чего я свеженькая как огурчик вернусь и сыграю роль так, что все упадут.

На этой оптимистичной ноте я действительно поверила в то, что у меня все получится, поэтому, даже когда мы затормозили у массивной двери с тяжелой бронзовой ручкой, подвоха не заподозрила. Водитель с явным облегчением от меня отцепился и, кивнув, — мол, жду снаружи, ретировался, а я постучала и вошла в кабинет. Точнее, сначала в приемную.

Сидевший за столом секретарь поднял голову, но тут же поморщился и ткнул в сторону соседней двери.

— Ждут-с.

Я рванула на себя дверь и вошла, не забыв предварительно прижать пальцы к виску:

— Мируар Фри... — начала было я, но договорить не успела.

Во-первых, кресло за столом пустовало. А во-вторых, меня притянули к себе так резко, что я не успела даже пикнуть. Облапали за нижние девяносто (или сколько там было у Селани), а потом ткнулись горячими губами в шею.

Да, к такому повороту событий жизнь меня не готовила.

И к такому тоже: когда мужская рука скользнула под платье, задирая подол, я извернулась с несвойственной мне сноровкой и отскочила в сторону. Это дало возможность наконец-то рассмотреть владельца кабинета (а может, и всего театра, судя по табличке «антрепренер» на обратной стороне двери). Невысокий, едва достающий Селани макушкой до подбородка, широкоплечий, с намечающимся пузиком, которое, однако, пока еще удерживали плотно застегнутая рубашка и пиджак. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад и так щедро пропитаны гелем, что я не представляла, как он их вечерами расчесывает. Лицо — скорее привлекательное, с крупными чертами и особенно выдающимся вперед носом с горбинкой, губы не по-мужски мягкие, а глаза... глаза сверкают, и что-то мне это совершенно не нравится.

— О-о-о, мой фидруарчик хочет поиграть? — произнес мужчина, вскинув густые брови.

Фидру... кто? В следующую минуту меня перестало это интересовать, потому что, хитро подмигнув, он повернул ключ в замке и двинулся в мою сторону.

— Послушайте, мистер... мессир... мируар...

— Какая ты сегодня игривая! Грег, Ани, для тебя просто Грег... Но я не возражаю, если ты будешь звать меня мируар Грег.

А вот это уже катастрофа!

Я понялась, наткнулась пятой точкой на стол и проехала на ней вправо.

— Р-р-р! — изобразила оголодавшего тигра надвигающаяся катастрофа. Даже пальцами шкрябнул по воздуху для достоверности.

Не знаю, есть ли в этом мире дикие кошки, но дикие антрепренеры точно водятся.

— Мируар...Грегуар...

На меня попытались прыгнуть, оказавшись прямо у стола, я соскользнула с уголка, но больше ничего сделать не успела. На сей раз меня сграбастали в объятия с такой силой, что перехватило дыхание, а потом на этот самый стол вернули, и что-то мне подсказывало, совсем не для того, чтобы поговорить о репетиции.

— Р-р-р...

Шлеп!

Я вовремя подхватила первую попавшуюся папку, которую антрепренер поцеловал в засос, а следом стоявший поблизости графин, содержимое которого перекочевало прямо на пылающего от страсти мируара-ягуара. Взыл он совершенно по-человечески, после чего как ошпаренный отскочил от меня на пару метров.

Я же, наконец почувствовав свободу, твердо вскочила на ноги (насколько позволяли каблуки): в одной руке папка, в другой графин. Кажется, идея с «плохо себя чувствую» бездарно провалилась.

— Совсем с ума сошла?!

— Назад! — предупредила воинственно.

— Ну, разумеется! — Он выдернул платок из кармана пиджака с таким треском, что чуть не оторвал сам карман, и принялся вытирать залитое водой лицо. — Думаешь, состроила глазки Демаре, и он уже у твоих ног? Так вот, моя дорогая Ани, это не про него!

— Демаре?

Демаре!

— Не строй из себя невинность! — рыкнул он, багровея до перезрелого томата в стадии «сейчас брызну». — Луард позвонил мне сразу, как вы вернулись, и рассказал, что ты сегодня ездила к Демаре! Думаешь, я не понимаю, что это значит?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Туалет в другой мир	5
<i>Глава 2.</i> Ягуар и ББИ	21
<i>Глава 3.</i> Сигарные разговоры	35
<i>Глава 4.</i> Няня в кустах	50
<i>Глава 5.</i> Проверка на профпригодность	68
<i>Глава 6.</i> Скелеты, изумруды и космические полеты	87
<i>Глава 7.</i> Ужин в тесном кругу и прочие (не)приятности	106
<i>Глава 8.</i> В гостях у мадам Лилит	122
<i>Глава 9.</i> Три бидона молока	136
<i>Глава 10.</i> Дело о шляпе	160
<i>Глава 11.</i> Опасные серенады, расслабляющие коктейли и бодрящая шопинг-терапия	178
<i>Глава 12.</i> Папарацци выходят на охоту	197
<i>Глава 13.</i> Детективная история, или Страшный чердак	219
<i>Глава 14.</i> История одной туфли	242
<i>Глава 15.</i> Холм Расцветета	256